DOI: 10.31249/rsm/2022.02.10

Ю.Г. Бит-Юнан

К ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЦЕНЗУРЫ 1960-х годов

Аннотация. *В данной статье изучается история публикации очерка Некрасова о его путешествии на Камчатку, которое состоялось в начале 1960-х годов. В поле внимания исследователя – то обстоятельство, что очерк был напечатан дважды: сначала – в советском журнале «Новый мир» (1965) под заглавием «За двенадцать тысяч километров», а затем – в эмигрантском ежеквартальнике «Грани» (1970) – под названием «О вулканах, отшельниках и прочем» и якобы уже без цензурных изъятий, допущенных в советском издании.*

В статье уточняются и комментируются результаты проведенного «Гранями» сличения той редакции очерка, которую печатали они, с редакцией, которая была помещена в «Новом мире», а также выявляются причины, в силу которых факт публикации неподцензурного варианта очерка в эмигрантском издании не привел к каким бы то ни было санкциям против Некрасова, сохранявшего в 1970 г. статус профессионального советского литератора.

Ключевые слова*: В.П. Некрасов; Е.С. Гинзбург; В.Н. Войнович; А.Т. Твардовский; «Новый мир»; «Грани»; советская пресса; эмигрантская пресса; самиздат; тамиздат; советская цензура.*

Бит-Юнан Юрий Геваргисович – доктор филологических наук,
доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ),
доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (РАНХиГС)». Россия, Москва.
E-mail: bityunan@gmail.com
Web of Science Researcher ID: P-9203–2015

Bit-Yunan Yu.G. On the history of Soviet censorship of the 1960 s.

Abstract. *The article describes the history of the publication of V. Nekrasov's sketchbook on his trip to Kamchatka, which took place in the early 1960 s. The researcher brings it into focus that the text has been published twice: in 1965 by the Soviet journal «Novy Mir» under the title «Twelve thousand kilometres away» and in 1970 by the emigrant journal «Grani», named as «About the volcanoes, recluses and so on», with «Grani»*

declaring that their edition was free of any censorship omissions that had been made in the Soviet Union, and were now italicized so as not to remain unnoticed.

This work offers specifications and comments for most of the omissions and discrepancies between the editions. It also explains the absence of any sanctions against the professional Soviet writer V. Nekrasov despite the fact that his uncensored sketchbook had somehow been printed in an anti-Soviet periodical.

Keywords: V. Nekrasov; E. Ginzburg; V. Voynovich; A. Tvardovsky; «Novy Mir»; «Grani»; soviet press; emigrant press; samizdat; tamizdat; Soviet censorship.

Bit-Yunan Yury Gevargisovich – D. Sci in Philology, associate professor of Russian State University for the Humanities (RSUH), associate professor of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Russia, Moscow.
E-mail: bityunan@gmail.com
Web of Science Researcher ID: P-9203–2015

В.П. Некрасова нельзя отнести к неизученным авторам. Более того, ему удалось преодолеть ассоциацию с названием своего дебютного произведения. Он – автор не только повести «В окопах Сталинграда» (в первой публикации – просто «Сталинград» [Некрасов 1946]), за которую он был в 1947 г. удостоен Сталинской премии второй степени.

На посвященном ему сайте собраны статьи литературоведов, критиков и публицистов [Статьи и передачи]. И все они, начав повествование с «В окопах Сталинграда», отмечают, что появление этого сочинения было лишь началом творческой карьеры Некрасова. Самое же интересное и важное происходило потом.

В 1954 г. в «Новом мире» появилась прекрасно написанная повесть «В родном городе» [Некрасов 1954]. Ее можно рассматривать как своеобразное продолжение «В окопах Сталинграда». Но здесь повествуется уже не о войне, а о том, что было после нее. Если точнее – о том, что найти свое место в мирной жизни очень непросто. Критики эту повесть хвалили буквально наперебой, лишь иногда отмечая мелкие недостатки [см., напр.: Тарасенков 1954; Капусто 1955; Воинов 1955].

В 1961 г., тоже в «Новом мире», была напечатана повесть «Кира Георгиевна», где даже затрагивалась лагерная тема [Некрасов 1961]. Это вызвало у рецензентов легкое неодобрение, но в целом отзывы были благожелательными [см., напр.: Николаев 1961; Светов 1962; Камянов 1962]. Настоящие проблемы начались лишь в следующем году.

В 1962 г. «Новым миром» был опубликован путевой очерк Некрасова «По обе стороны океана» [Некрасов 1962]. И тут писатель оказался под ударом критики высшего руководства. Его бранил сам Н.С. Хрущев. А 20 января 1963 г. в «Известиях» появилась редакционная статья «Турист с тросточкой», обличавшая идеологическую беспринципность Некрасова. Написал ее, как позже стало известно, М.Г. Стуруа [Турист с тросточкой 1963].

Дальше шло только по нарастающей. Некрасова осуждали в прессе за его правозащитную деятельность, за то, что он заступался за Ю.М. Даниэля и А.Д. Синявского, открыто поддерживал А.И. Солженицына [см. подробнее: Пахалюк 2018, с. 376].

Особое место в биографии (точнее, в хронике изгнания Некрасова) занимает его внимание к еврейской теме. Еще в 1959 г. он поместил в «Литературной газете» статью, в которой призывал поставить памятник у Бабьего Яра [Некрасов 1959]. 29 сентября 1966 г. там проходила мемориальная встреча, которую организовал Некрасов. Впоследствии его за это критиковали [см. подр.: Парнис 2007].

Сохранились свидетельства, что не позднее начала 1969 г. за Некрасовым уже присматривали агенты КГБ [см. подр.: Матвеев 2014]. Хотя можно предположить, что под наблюдением он оказался существенно раньше.

С 1972 г. Некрасова уже почти не издавали. В 1973 г. исключили из партии и Союза писателей. А 17 и 18 января 1974 г. во время обыска, длившегося чуть ли не двое суток, изъяли у него рукописи, книги, личную корреспонденцию и мн. др. Часть изъятого вскоре вернули, часть – оставили в архиве КГБ [см. подр.: Матвеев 2014]. 12 сентября этого же года Некрасов с женой Г.В. Базий покинули СССР. Умер писатель в 1987 г. в Париже.

Впрочем, в этой истории, вполне правдоподобной с учетом репрессивных методов 1960–1970-х годов, традиционно пропускается одно событие, точнее – один текст. Это очерк Некрасова о путешествии на Камчатку «За двенадцать тысяч километров». Упоминания о нем содержатся только в одной критической работе – «Правда выше всего. Виктор Некрасов – его судьба и его книги» Л.И. Лазарева. Там сообщается, что в 1965 г. «Новый мир» опубликовал цензурированную версию очерка, а полная версия, «без цензурных купюр и цензурной правки» появилась впоследствии в эмигрантском ежеквартальнике «Грани» под заглавием «О вулканах, отшельниках и прочем». Впрочем, Лазарев никак этого события не комментирует. Просто было две публикации: купированная и полная [см. подр.: Лазарев 2004].

И на сайте памяти Некрасова разъяснений тоже не найти. В разделе, где помещен этот очерк, – лишь краткий комментарий: «Этот очерк, но уже без цензурных изъятий, был опубликован в журнале “Грани”, 1970, № 74, стр. 25–86 под названием “О вулканах, отшельниках и прочем”». Приведены, впрочем, обе редакции – «Нового мира» и «Граней» [Некрасов 1965; Некрасов 1970].

Предисловие в «Гранях» гораздо более информативно. Там обозначены некоторые различия между двумя редакциями, а также сказано, что все материалы получены из СССР. Якобы это некий «“самиздатовский” экземпляр», более полный, нежели изувеченный Главлитом новомирский вариант [Предисловие к очерку 1970, с. 25].

Объяснение это, конечно, далеко от безупречного. В частности, непонятно, почему цензурирующей инстанцией признан именно Главлит. В «Новом мире» тоже были редакторы – и они тоже могли требовать сокращать, дописывать и переписывать. Можно предположить, что здесь сработала ассоциативная логика: раз оскопляли и переиначивали – значит, это Главлит. Но подобный ход мысли не всегда надежен. Что же касается прочих подробностей – когда и как очерк получен, есть ли в тексте какие-то пометки и т.п. – их, безусловно, в предисловии быть и не могло. Это было бы равносильно доносительству.

Кстати, рекламировавшие свою находку «Грани» не стали сообщать в предисловии, что и у них оказалась лишь одна из редакций очерка – очевидно не самая полная. В новомирской редакции содержится главка «Баллада о сапогах», в «Гранях» ее нет. Сказано же об этом только в примечании на той странице, где она должна была бы помещаться.

Поэтому придется удовлетвориться гипотезой, что рукопись купировали по требованию Главлита, более полная ее версия (без «Баллады о сапогах») ходила в самиздате, а затем попала в так называемый «тамиздат».

Что же касается «Баллады о сапогах», то здесь редакция «Граней» поступила профессионально: не стала включать его в полученный экземпляр, чтобы не компилировать редакции.

Остальные разночтения обозначались курсивом, что, впрочем, не всегда позволяет судить о том, удален был фрагмент или изменен. Поэтому в данной статье изъятие текста будет показано курсивом, а изменение – полужирным шрифтом.

* * *

Некоторые несущественные разночтения между двумя редакциями можно объяснить необходимостью сократить текст. Здесь злого политического умысла не усматривается.

Например, в первой главе «За двенадцать тысяч километров» не уточняется, что Некрасов и его спутники в начале путешествия заночевали в Корфе. В «О вулканах, отшельниках и прочем» эта информация содержится. При этом в дальнейшем тексте новомирской редакции упоминания о Корфе есть [ср.: Некрасов 1965, с. 3; Некрасов 1970, с. 26].

Иногда несущественно сокращены были характеристики некоторых героев. Так, о советском писателе и сценаристе Р.И. Райгородецком, который

сопровождал Некрасова, сказано: «Лучшего гида и спутника трудно было найти: парень он энергичный, *пробивной*» [Некрасов 1970, с. 58]. Слово «пробивной» в редакции «Нового мира» отсутствует. Образ получается менее яркий, но оценка характера – прежняя. Похожий пример – ниже. Речь снова о Райгородецком: «Кончалось все, как правило, победой – оставляли койки в гостинице, давали транспорт, назначали встречи. *Отказать ему было невозможно, так убедительно и настойчиво он говорил*» [Некрасов 1970, с. 59].

Куда интереснее, впрочем, последствия цензурирования очерка.

Их можно условно разделить на две группы: те, что относятся к описанию нравов и могли быть сняты из этических соображений, и те, что непосредственно касаются политики. «Условно» – потому как в советских условиях этика также во многом зависела от политики.

Начну с «этической правки».

При подготовке советской публикации корректировались оценки, относившиеся к гастрономическим предпочтениям москвичей, а именно – их любви к дальневосточным деликатесам. В новомирской редакции Некрасов описывает свою встречу в аэропорту с известным камчатским журналистом и добавляет, что в буфете не было ничего «кроме теплой воды, слипшихся конфет и нежно-розового лосося – чавычи, на которую здесь никто не смотрел, а в Москве, появись она только, **к прилавку и не пробьешься**» [Некрасов 1965, с. 3]. В «Гранях» сказано суровее: «<…> кроме теплой воды, слипшихся конфет и нежно-розового лосося – чавычи, на которую здесь никто не смотрел, а в Москве, появись она только, **из-за нее сломали бы прилавок**» [Некрасов 1970, с. 26]. Действительно, такое поведение характеризовало бы москвичей дурно.

Одна из глав, «Отшельник», была в новомирской редакции сокращена – очевидно, с целью повышения нравственности. В ней описана встреча с неким дядей Ваней, который жил вдали от всех в маленьком домике на берегу озера. Единственный его постоянный сожитель – кот. Вечером на дядю Ваню нахлынули воспоминания: «Мы сидели возле костра, подбрасывали сучки и веточки и слушали чуть-чуть захмелевшего старика. Он говорил о каком-то полковнике, который часто сюда приезжал и с которым они все ночи напролет о чем-то там судили-рядили, *потом* о *своей жене, весьма странной женщине, которую посадили за то, что она отрезала своему внуку весьма существенную деталь (говорил он об этом спокойно, без всякого гнева, не очень почему-то удивляясь, но осуждая),* потом переключился на ключевский ресторан, очень его возмутивший» [Некрасов 1970, с. 41].

Неуместным, по-видимому, показался редакторам «Нового мира» и рассказ о походе в тот самый ресторан: «– “Одет, говорят, плохо, галстука нет”, – вот и не пустили. “Я есть, говорю, хочу, а галстука у меня отродясь не было”. – “Нет, говорят, нельзя”. *“Тащи, говорю, тогда сюда, на ступеньки”, девице*

этой говорю, горничной, что ли. "Это тоже, говорит, нельзя, не положено". Ну тут я уж рассердился – и не в такие рестораны меня пускали. "Давай директора", говорю. Ну, с директором поладили как-то. Такой пир задал, никто не пожаловался, никого не обошел...» [Некрасов 1970, с. 41].

Сокращения нравственного характера были также сделаны в главе «Котики», имевшей в граневской редакции более экспрессивное название – «Вырывай сердце к черту!».

На острове Беринга Некрасов стал свидетелем кровопролитной сцены. Группа молодых, крепких мужчин занималась привычным и прибыльным делом – забоем морских котиков. В новомирской редакции подготовка описана так: «Самки только начинают приходить, – объяснили нам зверобои, – но пока их мало, по две-три на одного секача. Потом будет по два, три, четыре, а то и пять десятков на каждого старика. Тогда начнутся драки, бои между холостяками и секачами, хозяевами гаремов. Этого вы сейчас не увидите. Это все будет позже. Сейчас разделять секачей и холостяков будем мы... Нам нужны только **холостяки**» [Некрасов 1965, с. 14].

В редакции «Граней» сказано иначе, более жестоко: «Нам нужны только **трех-четырехлетки – у них лучший мех**» [Некрасов 1970, с. 46].

Изъяты были из «За двенадцать тысяч километров» и некоторые пугающие подробности охоты. Других изъятий не было. Более того, из содержания «За двенадцать тысяч километров» нетрудно заключить, почему в другой редакции эта глава могла бы называться «Вырывай сердце к черту!». Эти слова произносит один из опытных охотников, объясняя новичку, как следует добивать умирающего котика.

Но главной находкой для «Граней» были, конечно, фрагменты политического содержания.

Один из наиболее острых посвящен отношению в СССР не к жизни – а к смерти. Точнее, не только к жизни, но и к смерти.

В поисках рыбокомбината в Усть-Камчатске Некрасов и его спутники случайно набрели на заброшенное кладбище. Разглядывая изветшавшие надгробия, Некрасов вспомнил, как уже после войны оказался на разоренном еврейском кладбище недалеко от Бабьего Яра. И ему стало страшно: «*Кругом было нечто более страшное, чем смерть – надругательство над ней. Дикое, бесстыдное, ужасное, непонятное...*» [Некрасов 1970, с. 52].

Прошедший войну Некрасов отказывался верить в то, что это сделали немецкие нацисты: «*Я пытаюсь нарисовать себе картину происходящего – и не могу. Говорят, начали фашисты. В дни оккупации. Это я представляю. Зондеркоманды, опьяненные жаждой разрушения враги. О, они умели уничтожать: живое и мертвое... Всё это я вижу. Но фашисты разрушили только ничтожную часть, лишь центральную аллею, какую-нибудь сотню памятников. А остальные тысячи?*» [Некрасов 1970, с. 53].

Но страшно не только желание осквернить кладбище – страшно упорство, желанию сопутствовавшее. Страшны последовательность и целеустремленность: «*Кто же? Шайка хулиганов? Напилась и стала крушить все направо и налево, все, что подвернулось под руку? Но сколько же их должно было быть, этих хулиганов, чтобы уничтожить целое кладбище? И какая у них должна быть сила, какие орудия разрушения? Одними ломами и молотами этого не сделаешь. Здесь нужна техника, специальная техника, которую применяют при разрушении старых зданий. Надгробия – гранитные, на свинце; чтоб свалить их, нужен тягач, стальной трос*» [Некрасов 1970, с. 53].

А раз так – это, конечно, не обыкновенное хулиганство:

«*Я в сотый раз задаю себе вопрос: кто это сделал? Я знаю, что тоже враг. Не менее страшный, чем тот, в стальном шлеме со свастикой. Но я хочу увидеть его в лицо, увидеть на скамье подсудимых, услышать его голос и голос судьи, выносящего ему приговор.*

Но его нет на скамье подсудимых, он ходит, как мы с вами, по городу и, возможно, мы каждый день с ним встречаемся... Он жив. В руках его еще нет оружия, руки эти тянутся пока к кладбищам, к мертвым. Каждый год, в ночь под Судный день, то на этом, то на том кладбище оскверняется, уничтожается несколько десятков могил. Пока – могилы, надругательство над мертвыми, а потом?

В тысячу первый раз задаю себе вопрос, и не только я: кто сделал все это? Во второй половине XX века, в городе Киеве, на старом еврейском кладбище, возле Бабьего Яра, в пяти минутах ходьбы от троллейбусной остановки. И кто закрывал на это глаза? И кто даст ответ?» [Некрасов 1970, с. 53–54].

Формально СССР был интернациональным государством. Все этнические группы в его составе признавались равными и в профессиональном, и в культурном, и в юридическом отношении – во всех смыслах. Бытовой антисемитизм, считалось, был изжит еще в 1920-х годах. Иронически об этом написали И.А. Ильф и Е.П. Петров в романе «Золотой теленок», где один из героев говорит приезжему журналисту, что в СССР евреи есть, а еврейской проблемы нет. Некрасов, евреем не бывший, понимал, что шутка двух классиков оставалась и во второй половине XX в. не более чем шуткой.

Еще одной запретной темой в советской прессе было детальное обсуждение природных катастроф и масштаба их жертв. Советская власть в принципе не любила признавать существование неподконтрольной ей силы. Поэтому купирована была и новомирская глава «Цунами», имевшая в редакции «Граней» заглавие «О всяких ужасах». Посвящена она катастрофе 1952 г., когда второй по величине остров Курильской гряды, Парамушир, оказался под ударом цунами. Больше всего людей погибли в самом крупном городе – Северо-Курильске. Советская пресса тогда об этом умолчала.

В городе Ключи Некрасов познакомился с неким Александром Евгеньевичем Святловским – вулканологом и «цунамистом». Тот был откровенен: многие камчатские города, в частности Усть-Камчатск, расположены крайне неудачно – трагедия 1952 г. могла повториться в любой момент.

А далее начинаются расхождения.

Редакция «Нового мира» куда менее информативна, чем граневская. Следовательно, она и менее экспрессивна. Главное, о чем в ней не сказано, – это количество жертв: «4–5 ноября 1952 года цунами высотой в пятнадцать метров обрушилось *на поселок Северо-Курильск* на острове Парамушир *и снесло его в океан вместе с двенадцатью тысячами жителей. В газетах об этом не писали*» [Некрасов 1970, с. 54].

Выжили тогда лишь немногие – и отнюдь не благодаря сотрудникам советской службы спасения: «*Северо-Курильск погиб* из-за того, что население ничего не знало о цунами. *Люди были все новые, переселенцы.* Службы предупреждения, которая существует сейчас на Камчатке и Курилах, не было. О возможной катастрофе никто ничего не мог даже предположить – просто никто не знал, что существует на свете цунами. *Рассказывают, что только несколько чудом сохранившихся на острове корейцев, по известным им признакам (отлив океана), успели предупредить своих соседей, и из двенадцати тысяч населения нескольким десяткам человек удалось все же спастись – они поднялись в горы*» [Некрасов 1970, с. 56]. Этих сведений, очевидно, не было в новомирской редакции, поскольку они могли бы напомнить читателю о том, что часть Курильской гряды, включая Парамушир, отошла к СССР в 1945 г. Ранее остров был территорией Японии.

Упоминается в редакции «Граней» и число жителей Усть-Камчатска. В «Новом мире» этой информации нет: «Александр Евгеньевич не только вулканолог, он и “цунамист”, если можно так сказать. *Особенно тревожит его судьба Усть-Камчатска, районного центра*, *самого крупного на восточном побережье Камчатки поселка с одиннадцатью тысячами жителей*» [Некрасов 1970, с. 55]. Если предположить, что этот фрагмент был снят редактором, то объяснение, вероятно, могло быть таким: достаточно упомянуть о потенциальном риске – говорить, сколько человек может погибнуть – не следует.

Любопытны также замечания Некрасова о воспитательной работе и роли искусства в Советском Союзе. И здесь редакции вновь расходятся по линии нарастания / понижения искренности и откровенности. Этой проблеме посвящена глава «Царицы Савские и Жан Маре».

Некрасов начинает ее с цитаты из некоего произведения. Описаны в нем девушки неземной красоты: «*Как вы думаете, а* о ком это идет речь? Кто эти змеино-колюче-гибкие девушки, привыкшие повелевать и властвовать? И где все это происходит? В Монте-Карло? Майами? *Или в ресторане*

«Арагви»? Одна их них к тому же любит Альфреда Мюссе, другая прекрасна, как царица Савская, как Клеопатра, Земфира... Кто они такие?» [Некрасов 1970, с. 77–78].

Оказывается, речь идет об укладчицах сайры на острове Шикотан. Сам Некрасов, правда, их не видел, да и на Шикотане не бывал – он лишь доверился мнению некоего писателя, который и видел, и бывал. Те укладчицы, с которыми Некрасов повстречался, выглядели менее поэтично: «На них были грубые, топорщащиеся робы, резиновые фартуки, с ног до головы они были в рыбьей чешуе, руки красные, *грубые,* головы обмотаны платками. А кругом рыба, рыба, рыба... Отбирай ее, проталкивай по конвейеру, режь, опять отбирай, упаковывай в банки, заливай маслом, наклеивай на коробки этикетки...» [Некрасов 1970, с. 78].

Это заставило Некрасова сомневаться в искренности автора, лицезревшего Клеопатр и Земфир, с энтузиазмом консервировавших рыбу. Сам Некрасов не решился спросить камчатских укладчиц, приносит ли им это занятие радость. Впрочем, ответ и так нашелся – причем в том самом неназванном произведении. Одна из героинь, по имени Муза, будто случайно проговорилась о своем отношении к работе, а повествователь будто случайно ее слова воспроизвел: «Какое уж тут, с позволения сказать, творчество! – ответила она герою упомянутой выше повести, оказавшемуся менее стеснительным, чем я. – Но эта механическая работенка дает мне ту лишнюю копейку, за которую можно даже в четвертый раз сходить на “Девять дней одного года”, посмотреть Смоктуновского» [Некрасов 1970, с. 78].

К слову сказать, Некрасов, отзывавшийся об этой повести не без иронии, явно не испытывал к ее автору антипатии. Скорее наоборот. Даже упомянул, что это сочинение, опубликованное в конце 1963 г. «Молодой гвардией», было почти сразу раскритиковано «Литературной газетой» – именно потому, что в нем проглядывает такая случайная правда. Поэтому и установить автора повести нетрудно – это советский прозаик и очеркист Л.М. Пасенюк (1926–2018) [см. о нем подр.: Пирагис 2007]. Цитируются же здесь его мемуары с интригующим названием «Тысяча девушек». Они действительно были опубликованы «Молодой гвардии» в 1963 г., в декабрьском выпуске [Пасенюк 1963].

Судить, что в рассказе Пасенюка правда, а что – нет, вряд ли возможно. История, к которой обращается Некрасов, субъективная. Можно даже сказать – интимная. Царицу Савскую на самом деле звали Галей. И она действительно была очень красива – по крайней мере в этом нас заверяет сам Пасенюк. Более того, он не скрывает, что она ему нравилась. Было ли чувство ответным – сказать труднее. Зато к повествователю оказалась неравнодушна та самая Муза. Однако ей царственной красоты даровано не было – она простая, честная труженица. И она, конечно, немного завидовала Гале.

Далее Некрасов загадывает более сложную – для нас, не для своих современников, – загадку. Увлеченный рассуждением о правде и неправде в литературе, он приводит описание некоего романа: «*Труд в нашей стране – дело почетное. Кто с этим спорит? Но, ей-Богу же, мне как-то неловко было читать в романе одного нашего очень известного писателя о некой сезонной работнице, которая влюблена была в процесс укладывания железнодорожного балласта – вот, мол, как хорошо, что скоро по этим путям, уложенным по ее балласту, поедут отдыхать на юг наши советские люди...*» [Некрасов 1970, с. 79].

Установить, какой текст подразумевает Некрасов, не удается. Однако можно предположить, что здесь ведется заочная полемика с оппонентом «Нового мира» В.А. Кочетовым. Похожая сцена содержится в его романе «Братья Ершовы». Он был опубликован журналом «Нева» в 1958 г. и вызвал полемику в прессе. Причем упреки в излишней консервативности высказывались даже на страницах изданий, не отличавшихся либеральной направленностью.

Угадывалось в «Братьях Ершовых» и осуждение В.Д. Дудинцева, автора романа «Не хлебом единым», опубликованного в 1956 г. журналом «Новый мир». Да и сам этот журнал у Кочетова вызывал раздражение. Поэтому постоянный автор «Нового мира», Некрасов, мог позволить себе колкость в его адрес.

Итак, Дмитрий, главный герой «Братьев Ершовых», изготавливает рельсы. Эта лишенная творческого содержания работа совершенно его не утомляет – наоборот, он радуется: ведь она позволяет ему думать о важном:

«Слитки один за другим, горя белым огнем, бежали по рольгангам под валки стана. Плавными движениями Дмитрий перебрасывал их с боку на бок, гонял под валки и обратно; слитки становились все длиннее и тоньше, все тусклее светились; потом, вытянутые в длинный брус, угасали совсем, и Дмитрий отпускал их под другие прессы и агрегаты, под которыми там, дальше, они превращались в железнодорожные рельсы.

Дмитрий любил эту работу в кабине огромного тяжелого стана. Он любил ощущать свою силу над металлом, над сталью. Вот он нажмет на рукоятку – и слиток, вжимаясь меж валов, плющится, как кусок теста под каталкой. Потом Дмитрий ставит его на ребро, и он, плющась в другом направлении, удлиняется. Точные движения, точный расчет, осязаемый результат. И сколько сотен тонн металла пройдет вот так за смену через руки Дмитрия, сколько километров рельсов получится в конце концов из этого металла!

Кроме всего прочего, когда привычные, опытные руки работают автоматически, есть время для размышлений, для раздумий» [цит. по: Кочетов 1959, с. 427].

С другой стороны, Некрасов был человеком отнюдь не робким. И Кочетова очень не любил, о чем свидетельствует, в частности, история с

В.М. Шукшиным. По словам самого Некрасова, Шукшин в начале 1960-х годов отнес одну свою повесть в «Октябрь», которым тогда как раз руководил Кочетов. Шукшин считал, что был у Кочетова в долгу, поскольку тот прописал его в Москве. Некрасов, узнав об этом, был в негодовании. Настоял на том, чтобы Шукшин отдал эту повесть в «Новый мир», где работала надежная знакомая Некрасова – А.С. Берзер. Та повесть не одобрила, но попросила принести ей рассказы – и в 1963 г. они были опубликованы. Кочетов злился, пытался аннулировать прописку, но ничего не вышло [Некрасов 1977].

Поэтому придется допустить, что здесь содержится намек на какой-то другой роман – или же на советскую производственную прозу в целом.

Иронично отзывается Некрасов и о некоем писателе, поведавшем миру об удивительно мужественном солдате. Он был ранен миной в живот, но она почему-то не взорвалась – однако «*Солдат не растерялся, вырвал мину и, размахивая ею направо и налево, ворвался в немецкий окоп*». Некрасов счел эту историю маловероятной, однако автор парировал: «*Простите, но я ведь сам видел это*». «*Я был обезоружен*», – признается Некрасов [Некрасов 1970, с. 79].

Вероятно, такой рассказ не меньше удивил бы и Ю.П. Германа. В его романе «Дорогой мой человек» описана подготовка к извлечению неразорвавшейся мины из человеческого тела. Раненый в плечо матрос идет и гордо кричит: «Разойдись, подорвусь! Расходись, подрываюсь! Не подходи близко опасно для жизни!» – а потом говорит, что нужно звать «медицину с саперами». Иначе мину не извлечь: она может разорваться в любой момент [Герман 1988, с. 308].

Впрочем, это частности. В СССР забывать историю и скрывать прошлое принято на государственном уровне. Репутационным иммунитетом не владеет никто – даже вчерашние полубоги: «*Тут уж речь не только об искусстве. Молодой человек, которому сейчас двадцать пять лет, приходит в Исторический музей. Или в Музей Революции. Когда он был пионером, его сюда уже водили. Тогда на стенах музея висело бесчисленное количество портретов одного человека. Он был непогрешим и овеян славой. Мальчик этому верил. Сейчас он пришел сюда взрослым, а рядом с ним шагают по залам музея другие ребятишки в красных галстуках. Они видят на стенах портреты других людей, о которых наш выросший пионер знает сейчас только по юбилейным статьям, а наше поколение носило эти портреты на первомайских демонстрациях. Того, овеянного славой, непогрешимого уже нет... Я обошел все залы Киевского Исторического музея. На всех приказах Верховного Главнокомандующего фамилия старательно была заклеена бумажкой*» [Некрасов 1970, с. 80].

Примечательно, что удаление этого фрагмента перформативно доказывало правоту Некрасова. Автор пишет о том, как имя генсека заклеивали бумажкой – редактор, в свою очередь, «заклеивает бумажкой» этот фрагмент.

И это не единственный случай. В редакции «Нового мира» отсутствуют любые рассуждения Некрасова о допустимости или недопустимости переосмысления советского прошлого.

В редакции же «Граней» этой проблеме посвящены целые две главы: «А этот?» и «Землянка» (в редакции «Нового мира» их просто нет).

В главе «А этот?» описана не свойственная советскому политическому климату сцена. В день, когда тело И.В. Сталина было вынесено из мавзолея (очевидно, речь о 1 ноября 1962 г.), Некрасов находился на Красной площади. У гробницы, опустевшей наполовину, стояли люди. Они обсуждали случившееся, пытались друг друга в чем-то убедить. Но вдруг некий юноша, которому было на вид лет двадцать, обратился к ним с обвинительной речью. Он открыто сказал им, что ни он, ни его друзья не верят никому старше тридцати лет. Вся жизнь старшего поколения – сплошное вранье. И заслуга у них только одна – победа в Великой Отечественной. Но и этого недостаточно, чтобы оправдать десятилетия жизни во лжи.

Некрасов не стал с ним спорить. Он не мог ни согласиться с тем юношей, ни открыто ему возразить. Но главное – он его хорошо понимал.

Называется же глава «А этот?», поскольку ее герой противопоставлен Толе Побеленко – герою главы «Правильный парень», присутствующей в обеих редакциях. Название говорящее: Толя – хороший, добрый юноша, не слишком умный, не вовсе глупый. Говорит языком советской газетной прессы, учится полезному делу – будет потом этим делом заниматься. Пьет мало и только в хорошей компании. Одним словом – правильный парень.

В главе «Землянка» речь о киноновелле А. Вайды, составляющей пятую, заключительную часть кинопроекта «Любовь в двадцать лет»[1], созданного в 1962 г. коллективом режиссеров из разных стран.

Сюжет достаточно простой. Влюбленная пара, обоим около двадцати, приходит в зоопарк. Они целуются, обнимаются, умильно смотрят друг на друга. Внезапно в вольер с белыми медведями падает девочка. Девушка требует от своего кавалера, чтобы тот спас ребенка, но он вместо этого хватается за фотоаппарат и начинает делать один снимок за другим. Тут в вольер прыгает молодой мужчина, берет девочку на руки и бежит к выходу. Девушка открывает ему дверь и уезжает с ним на его велосипеде, оставив своего спутника в зоопарке. Ее ничто не смущает, ведь теперь она рядом с настоящим героем.

Они приезжают к ней домой, и вскоре к героине приходят ее друзья по университету. Все они хотят познакомиться с рыцарем, спасшим девочку.

1. У Некрасова – «Любовь двадцатилетних», однако такой вариант перевода тоже распространен.

Своего ухажера-фотографа, также позвонившего в ее дверь, она отвергает. Позвонить еще раз он не решается – уходит в никуда.

Однако вскоре молодые люди разочаровываются в «рыцаре». Танцует он неумело, робеет, заикается, а потом, когда выясняется, что он воевал, ничего героического об этом рассказать не может. Во время игры в жмурки он вдруг начинает дрожать от страха, чего беззаботные студенты даже не замечают. Зато замечает зритель. Оказывается, несколько лет назад его с повязкой на глазах немецкие нацисты вели на расстрел. И вот уже раздались автоматные очереди, тела стали падать в ров – но ему повезло: несколько пленных решили оставить как рабочую силу.

Затем он то ли хмелеет, то ли впадает в полузабытье – и тогда уже становится неприятен своим двадцатилетним знакомцам. Избавившись от морока, он уходит, взвалив себе велосипед на плечи. А героиня на следующее утро прощает своего ухажера с фотоаппаратом. У них впереди – новый день.

Некрасов этот фильм смотрел не один. С ним был его приятель по имени Генка. Генку, по словам Некрасова, картина оскорбила. Он начал кричать, что Вайда неправ, что советская молодежь не такая. Для них все, что связано с войной, – священно. И никто бы не позволил себе так обойтись с бывшим фронтовиком.

Некрасову хотелось бы в это верить. «*Для меня, моего поколения война была самым важным в жизни, для них самое важное – дай Бог не война! – еще впереди...*», – говорит Некрасов [Некрасов 1970, с. 73]. И добавляет с экспрессией: «*И все же Генка прав! Я хочу, чтоб он был прав. Вайда слишком сгустил, обострил, уплотнил. Он дьявольски талантлив, он может убедить. А я сопротивляюсь, я не хочу этому верить*» [Некрасов 1970, с. 73]. И тут же перед ним останавливается машина. В ней – знакомые Некрасова. Все они актеры, трое – возраста Генки, двое – очевидно, ровесники Некрасова.

Они быстро едут в один продуктовый, потом – в другой, затем оказываются у кого-то дома – там молодая и совершенно не сварливая жена. Через несколько минут стол уже накрыт – из-за него доносятся шутки и анекдоты. Смеются все так громко, что это, пожалуй, неприлично в спящем многоквартирном доме… Затем со стены снимают гитару. Оказывается, что один из тех, кто постарше, некий Николай, хорошо поет. В его репертуаре и юмористические, и блатные композиции – ассортимент широкой. И вдруг… он начинает петь «Землянку». «*От нее мне всегда становится как-то не по себе, начинает что-то шевелиться, вспоминаться, становится грустно*», – признается Некрасов [Некрасов 1970, с. 75]. И, видимо, не ему одному. Все мгновенно затихают. А потом: «*Может, рассказали бы нам что-нибудь о Сталинграде? – прерывает кто-то молчание. И в этом вопросе, в этой просьбе столько внимания, столько предупредительности*» [Некрасов 1970, с. 75].

И вот Николай начинает свою историю. Все слушают, затаив дыхание. Речь о схватке с немцами. Врагов много, они наступают. Дивизия Николая отстреливается, но товарищи гибнут один за другим. В итоге остаются только он сам и связист. И вот уже Николай ранен, он истекает кровью – и говорит связисту: «*Миша, друг, пока не поздно... Вся надежда на тебя... Пока немцы подтягиваются, сбегай-ка на кухню, там, в холодильнике, я видел – недопитая поллитровка стоит... Не жмись, тащи-ка ее сюда...*» [Некрасов 1970, с. 75]. Произведенный в связисты Миша (очевидно, хозяин квартиры) бежит на кухню и возвращается с бутылкой водки. Она тут же идет в употребление. И снова «*все становится на свое место, опять весело, шумно, опять блатные песенки, опять шутки, остроты, анекдоты*» [Некрасов 1970, с. 76].

«*И мне тоже весело. Очень даже...*», – с досадой говорит Некрасов [Некрасов 1970, с. 76].

Расходятся все ранним утром. Настроение у всех отличное: ночь прошла как надо. И Некрасов вроде бы рад, и даже «*ни на кого не в обиде, просто мне немного жаль, что Николай запел "Землянку"...*» [Некрасов 1970, с. 76].

Вымышленная эта история, нет ли – сказать невозможно. Но она очевидно идет в параллель с сюжетом новеллы из «Любви в двадцать лет». Вот он, бывший фронтовик, оказывается среди тех, кто «с фотоаппаратом». Они в вольере с белым медведем не бывали – только со стороны видели. И нет, они и чтят, и помнят – но многого уже не понимают. И никогда не поймут. И упрекнуть их в этом – нельзя. Ведь им двадцать лет. У них – другая жизнь и новый день впереди.

Более того: тот, кто был на войне, тоже не чувствует, что нельзя поместить «Землянку» в застольный репертуар. Некрасов не упрекает советскую молодежь. Она более предупредительна и учтива, чем герои фильма. Те ведь открыто выражали недовольство. Но итог тот же: и человек с велосипедом, и Некрасов оказались одиноки. Оказалось, что они немного чужие среди своих. И не так уж был прав Генка – и не так уж неправ Вайда.

Впрочем, политическая правка не всегда распространялась на идеи. Порой ее воздействие было точечным.

Так, в очерке «О вулканах, отшельниках и прочем» несколько раз упоминается Хрущев – в «За двенадцать тысяч километров» сама фамилия бывшего первого секретаря ЦК партии не встречается вовсе, хотя все реплики о нем были совершенно безобидными. Отшельник дядя Ваня, например, говорил, что хотел бы перекинуться с Хрущевым парой слов, начальник авиабазы говорил, что Хрущев опасается летать на кукурузниках.

Почему Хрущев стал персоной нон-грата, угадать нетрудно. Очерк создавался, когда тот еще возглавлял ЦК КПСС. А в октябре 1964 г. он был с этой должности смещен и отправлен на пенсию. Ко времени публикации

очерка в «Новом мире» любые отсылки к его имени стали неуместны – вот и «заклеили их бумажкой».

* * *

Однако утерянное содержание этого очерка – не единственное, чем он интересен. Не менее примечательна реакция литературного сообщества на эмигрантскую публикацию. Точнее – отсутствие какой бы то ни было реакции. Как, кстати, и политических последствий за эту публикацию. И это весьма необычно.

Дело в том, что за пять лет до появления граневской публикации и в том же году, когда заметки Некрасова были напечатаны «Новым миром», начался литературный скандал, о котором узнали как в СССР, так и за рубежом. Оказалось, что два советских литератора, А.Д. Синявский и Ю.М. Даниэль, на протяжении нескольких лет публиковались за границей под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак. Причем некоторые их тексты действительно противоречили актуальному на тот момент советскому политическому контексту. Личность нарушителей была установлена, осенью 1965 г. начался процесс, завершившийся в феврале 1966 г. Даниэлю дали пять лет, Синявскому – семь.

Едва утихли страсти, произошло еще одно событие, чем-то напоминавшее случай Синявского и Даниэля. В начале 1967 г. в газете «Посев», выходившей в одноименном издательстве (там же выходили и «Грани»), были опубликованы главы из мемуаров Е.С. Гинзбург «Крутой маршрут» [Гинзбург 1967]. Причем редакция газеты услужливо сообщила, что эти материалы уже печатались в советском подпольном журнале «Феникс 1967». Далее следовало пояснение: «Слухи о том, что мать писателя Василия Аксёнова, репрессированная в ежовщину и освобожденная после XX съезда, написала свои воспоминания, ходят по Москве уже два-три года. Рассказывали, что воспоминания посвящены годам “культа личности”, что они были отданы якобы в редакцию журнала “Новый мир”, что произведение это оставляет неизгладимое впечатление» [Предисловие к хронике 1967].

Предисловие не просто «информативное» – окажись оно в нужных руках – получит силу доноса. Тут сказано и о родстве автора крамольной «хроники» с вполне благополучным тогда советским писателем В.П. Аксёновым, и о публикации в нелегальном «Фениксе 1967».

История более раннего «Феникса» – «Феникса 1966», кстати, была трагична. Его редактор – поэт Ю.Т. Галансков был арестован в январе 1967 г. Вместе с ним были арестованы и его товарищи: журналист А.А. Добровольский и выпускница Московского института культуры В.И. Лашкова. Галансков был приговорен к семи годам лишения свободы. Добровольский и Лашкова – к двум и

одному годам соответственно. Галансков, кстати, на свободу так и не вышел: умер от осложнений после операции, сделанной в лагерной больнице [Бит-Юнан, Митюшова 2015].

С Гинзбург, впрочем, ничего не случилось. В 1967 г. ее книга была опубликована в издательстве А. Мондадори, вопреки требованию «Посева» не перепечатывать даже фрагмента из своей удачной находки (претензия, кстати, более чем странная как с юридической, так и с этической точек зрения) [Гинзбург 1967 а]. Затем редакция коммунистической газеты «Unità» организовала для Гинзбург интервью, в котором та заявила, что считает себя честным советским писателем, никому своих работ не передавала, ни в какой самиздат их не отправляла и крайне огорчена тем, что кто-то это сделал за нее. О публикациях в «Посеве» даже не стала упоминать, зато критиковала Мондадори, который напечатал ее незаконченные мемуары. Даже намекнула на то, что он поступил как вор [Guerra 1967].

Осенью 1969 г. произошла еще одна неприятная история – и тоже с автором, рассчитывавшим опубликоваться в «Новом мире», – с В.Н. Войновичем. В 72-м номере «Граней» появилась первая часть его романа «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Редакция журнала вновь услужливо пояснила, что роман этот должен был печататься в «Новом мире», но редколлегия его не пропустила. И вот рукопись получена из неких самиздатовских закромов и теперь представлена эмигрантской аудитории [Предисловие к роману 1969]. В результате Войновича перестали издавать – и для того, чтобы не остаться вовсе без денег, ему, как и Гинзбург, пришлось объясняться. И выручили его, кстати, тоже коммунисты – только не итальянские, а отечественные. Четырнадцатого октября 1970 г. в «Литературной газете» появилось его письмо, в котором он осудил эмигрантов, опубликовавших без его ведома и согласия часть книги, предназначавшейся для советского читателя [Войнович 1970; см. об этом: Бит-Юнан, Пащенко 2016].

Наконец в октябре 1969 г. «Посев», перешедший к 1968 г. в журнальный формат, напечатал поэму Твардовского «По праву памяти», гордо заявив, что она должна была быть опубликована «Новым миром», но публикацию запретили – и через самиздат она перекочевала за границу [Предисловие к поэме 1969; Твардовский 1969]. Твардовский узнал об этом, как говорили мемуаристы, от К.В. Воронкова, члена Оргбюро СП СССР. Воронков не без труда якобы достал номер «Посева» – и все убедились, что поэма действительно там напечатана [Кондратович 1991, с. 464]. Подобно Гинзбург и Войновичу главред «Нового мира» выступил с открытым письмом. Оно было помещено в «Литературной газете» 11 февраля 1971 г. – причем лишь в части тиража. Допечатывали эти экземпляры или заменили теми, что письма не содержала, –до сих пор загадка: дата подписания к печати – одна и та же.

Твардовский заявил, что никаких зарубежных публикаций не санкционировал и осудил эмигрантов, укравших его текст [Твардовский 1970].

А вскоре – написал заявление по собственному желанию.

Иначе говоря, даже Твардовский оказался не в праве игнорировать факт эмигрантской публикации своего текста. И даже ему пришлось каяться и проклинать эмигрантских публикаторов. А Некрасов санкций избежал.

Более того, даже в период слежки за автором о контрабандной граневской публикации не упоминалось. Об этом стало известно сравнительно недавно.

В 2014 г. в киевском издательстве «Laurus» вышел сборник рассказов Некрасова «Арестованные страницы». И сборник этот – особенный. Его составитель и комментатор – украинский историк Л.М. Хазан. Она получила доступ в архивы киевского КГБ и нашла в них рукописи нескольких некрасовских рассказов, конфискованных во время обыска в 1972 г. Для публикации они явно не предназначались. По сути, они о том, чего бы очень хотелось, но что осуществиться не может. В одном – дипломат, в котором нетрудно узнать А.А. Громыко, едет в Америку, напивается и решает просить там политического убежища. В другом – описано ограбление квартиры одиозного драматурга А.Е. Корнейчука. Нашла Хазан также и характеристику, заведенную на Некрасова, и некоторые другие оперативные документы. На их основе был написан документальный очерк «С шулерами за одним столом сидел…», составляющий важную часть этой книги. И в нем – ни слова о граневской публикации [Хазан 2014, с. 79–182].

Почему? Вероятно, дело в том, что **в самиздате** очерк «О вулканах, отшельниках и прочем» **не распространялся**. По крайней мере в каталоге самиздата, который постоянно пополняется и корректируется, об этом очерке – ни единого упоминания. Два открытых письма («Письмо 25-ти советских деятелей науки и культуры Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу с протестом против “тенденций, направленных на реабилитацию Сталина”» и «Открытое письмо в редакцию газ. “Литературная Украина” в защиту В.М. Чорновила в связи с публикацией статьи О. Полторацкого (16.07.1968)»), подписанных Некрасовым как раз во второй половине 1960-х годов, а также его статья «Кому это нужно?», датированная 5 марта 1974 г., в самиздате действительно ходили [Каталог самиздата]. А камчатский очерк – нет.

Но тогда возникает вопрос: кем и зачем он был передан за рубеж?

Можно предположить, что самим Некрасовым или кем-то из его знакомых. Но это нелогично.

Ради денег? Но как получить гонорар? Да и какой это гонорар по сравнению с новомирским. Советские писатели, в отличие от эмигрантов, были очень богаты.

Некрасов напечатал очерк специально для эмигрантской аудитории? Тоже нелогично. Ничего сенсационного в этом сочинении нет. Обозначена

проблема антисемитизма в СССР, есть иронические замечания по поводу заклеенных бумажкой имен, а еще – сожаление, что правильный советский парень от парня неправильного отличается в первую очередь тем, что первый верит всему, что написано в газете, а второй живет своим умом. Но политического откровения в этом очерке нет. Лучше уж было отправить те рассказы, которые опубликовала Хазан. Но они как раз за границей не печатались. И в самиздате, отмечу, не ходили.

Предположение, что Некрасов старался для советского читателя также не выдерживает критики. Советская аудитория эмигрантскую периодику не читала. Некоторые умельцы добывали в СССР номера «Континента», «Посева» и т.п. Но это небезопасно, и рассчитывать на поставщика литературной контрабанды нельзя: сегодня он смог достать номер «Граней», а завтра – нет. А послезавтра – он оказался в тюрьме. А может, он вел оперативную работу – тогда в заключении окажется любитель крамольной прессы.

Но и это не единственная причина. Ведь очерк уже был опубликован «Новым миром». А значит, автор дал одобрение на публикацию той редакции, которая прошла все этапы согласования. Здравый ли расчет победил, компромисс ли с совестью был достигнут – другой вопрос. Но очерк напечатан, и деньги за него – получены. И помимо юридических факторов есть факторы репутационные. Пустить текст в самиздат или в тамиздат – значит подставить редакцию журнала, ранее его опубликовавшего. Ведь определить по самиздатовской копии, появилась она позже журнальной или нет, невозможно. А значит, возникает риск, что «Новый мир» напечатал текст, распространявшийся противозаконным способом, а потом еще и выплатил автору гонорар. И то обстоятельство, что в граневской редакции не было «Баллады о сапогах», не защитило бы «Новый мир»: там могло храниться несколько вариантов рукописи. Или же главка была позже добавлена к тексту, прошедшему согласование.

Однако Некрасову бюрократическая наивность не была свойственна. И уж тем более он не был недостойным человеком.

Более того, и Войнович понимал издательскую и репутационную логику. Поэтому и его Чонкин, ждавший своей очереди в «Новом мире», в самиздате не ходил. Открытые письма, обращения, фельетоны были в самиздате. А Чонкина, за которого пришлось извиняться, – не было [Каталог самиздата].

И для Гинзбург случайная публикация в «Фениксе» была крайне невыгодна. Не ради этого она несколько лет свои мемуары смягчала и переписывала [см. подробнее: Гинзбург 1979, с. 371–376]. Книга изначально создавалась именно для советского читателя. А в эмигрантской среде была воспринята без энтузиазма. Коммунистка, оказавшаяся в 1930-х годах между жерновов. Прошла тюрьму, этап и лагерь. Освободилась с поражением в правах, дожила до реабилитации. Сохранила верность партии и В.И. Ленину.

Ничего поразительного, но есть небезынтересные замечания о советской истории [см., напр.: Иверни 1980; Кузнецов 1980].

Следует также отметить, что рукопись «Крутого маршрута» Гинзбург отнесла в два журнала: в «Юность» и в «Новый мир». Но о «Юности» в посевовском предисловии не было сказано ни слова.

Не менее загадочна и история с поэмой «По праву памяти». Ее самиздатовская копия сохранилась. Но тут в пору задаться вопросом, какой способ тиражирования какому предшествовал: она сначала появилось в самиздате, а потом была напечатана в журнале «Посев», или посевовская публикация стала источником самиздатовской? Вероятность того, что 60-летний главред «Нового мира» отдает кому-то свою поэму для подпольного распространения – невысока.

Впрочем, это предположения. А факты сводятся к тому, что рукописи авторов «Нового мира» неким образом попадали за границу и печатались как самиздатовские. При этом редакция «Граней» (как и «Посева», – это единая сущность) каждый раз заботливо напоминала читателю, что эти тексты должны были публиковаться в «Новом мире», но цензура их не пропускает. Или – увечит, как то было с очерком «За двенадцать тысяч километров». Но читателям «Граней» повезло: они по лучшую сторону железного занавеса, поэтому будут получать качественную литературу.

Однако кому везло на самом деле, так это советским чиновникам от литературы и партийному руководству. У них на крючке благодаря эмигрантским изданиям мог оказаться любой непокорный писатель. И перспектива тюремного заключения – вполне реальна. Прецедент был создан еще в 1965–1966 гг. И мировая общественность подсудимому не поможет. Есть шанс эмигрировать. Но для этого нужно как минимум не оказаться в тюрьме, а как максимум – выйти оттуда живым. Получить право на выезд – тоже проблема.

Или другой вариант. Автора не лишают свободы, но лишают заработка. Тогда придется уходить из профессии и учиться выживать на небольшие деньги.

Иначе говоря, условий – много, а гарантий – мало. Поэтому и каялись, и проклинали.

И все же, почему Некрасов этого не стал делать?

Очевидно, не только потому, что его еще издавали и не только потому, что он мало боялся уголовного преследования. Дело в том, что его покаяние / протест **уже** не требовались. 74 номер «Граней» – январский, как указано на обложке. Следовательно, вышел он или в конце января, или в начале февраля. И ровно тогда произошло событие, которое и было реальной целью описанной выше кампании с заграничными публикациями. А именно – в «Литературной газете» появилось письмо Твардовского, после чего он оставил свою должность.

Некрасов, конечно, раздражал советских ретроградов и этатистов. Однако еще больше их раздражал Твардовский. Именно в его журнале еще при И.В. Сталине появились произведения, оценивавшиеся впоследствии как советская литература высокого качества: «Районные будни» В.В. Овечкина, «Саша отправляется в путь» В.Ф. Тендрякова, «За правое дело» В.С. Гроссмана, «Сердце друга» Э.Г. Казакевича и т.п. Именно «Новый мир» был символом хрущевской «оттепели» и дал читателю «Один день Ивана Денисовича». И не где-то, а именно в «Новом мире» Твардовского были напечатаны «Кира Георгиевна» и «По обе стороны океана».

Но время Твардовского – ушло.

Во второй половине 1960-х годов наступили очередные «заморозки». Гласность, реабилитация, либерализация политической и культурной жизни, дух XX и XXII съездов, признание не только того, что ошибки были, но и того, что их неплохо бы исправить, – все это так и не осуществилось. А те, кто пришел на смену Хрущеву, не всегда умели скрывать неприязненного к нему отношение. И к людям его эпохи – тоже.

То обстоятельство, которое документировалось письмом Твардовского, неизбежно делало его заложником. Если его поэму публикует антисоветский журнал, значит, главный редактор «Нового мира» утратил политическую бдительность. А если к этому присовокупить, что в тех же антисоветских изданиях печатаются тексты, находящиеся или находившиеся на рассмотрении в «Новом мире», то картина становится полной. Твардовский в лучшем случае недееспособен как руководитель журнала – в худшем – занимается вредительской деятельностью.

Что же касается Некрасова, то и он оказался в зависимом положении. Но до поры его не трогали. А после обыска 1972 г. у сотрудников КГБ оказались материалы более весомые, нежели публикация в «Гранях». В каком-то смысле она просто утратила свой компрометирующий потенциал. А еще через два года Некрасов уехал из СССР. И уже не вернулся.

И все же, говоря в стилистике самого Некрасова, жаль, что его очерк сначала был использован против талантливых людей, а потом и вовсе оказался забыт.

Библиография

Бит-Юнан Ю.Г., Пащенко Д.О. Протестное письмо в литературной газете как форма управления советским литературным процессом // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 8. С. 9–21.

Бит-Юнан Ю.Г., Митюшова А.С. Между «Новым миром» и «Посевом»: К судьбе запрещенных произведений Е.С. Гинзбург и В.С. Гроссмана // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 5. С. 61–72.

Воинов А. В родном городе // Комсомольская правда. 1955. 29 марта.

Войнович В.Н. В редакцию «Литературной газеты» // Литературная газета. 1970. 14 октября.

Войнович В.Н. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: Роман-анекдот в пяти частях. Часть первая // Грани. 1969. № 72. С. 3–83.

Герман Ю.П. Дорогой мой человек: Роман. Л.: Лениздат, 1988. 573 с.

Гинзбург Е.С. Крутой маршрут // Посев. 1967. 17 февраля; 24 февраля; 3 марта; 10 марта.

Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. Том 2. Milano: Mondadori, 1979. 379 с.

Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. Milano: Mondadori, 1967. 473 с.

Иверни В.И. Книга-жизнь // Континент. 1980. № 23. С. 388–392.

Камянов В.И. Этическое и эстетическое // Вопросы литературы. 1962. № 8. С. 13–17.

Капусто Ю.Б. Митисов и Чекмень // Литературная газета. 1955. 26 марта.

Каталог самиздата. URL: http://samizdat.memo.ru/samizdat/search (дата обращения: 15.09.2020).

Кондратович А.И. Новомирский дневник, 1967–1970. М.: Советский писатель, 1991. 528 с.

Кочетов В.А. Братья Ершовы: роман. М.: Молодая гвардия, 1959. 431 с.

Кузнецов Э. Статус советского политзаключенного // Континент. 1980. № 26. С. 187–206.

Лазарев Л.И. Правда выше всего. Виктор Некрасов – его судьба и его книги // Некрасов В.П. Там, где горела земля: собр. соч.: в 3 кн. / Сост. Г.А. Анисимов, В.Л. Кондырев, Л.И. Лазарев. М.: Изографус, 2004. Кн. 1. С. 3–28.

Матвеев П. Виктор Некрасов и КГБ // COLTA.ru: [информационный портал о культуре и обществе]. URL: https://www.colta.ru/articles/literature/4592-viktor-nekrasov-i-kgb (дата обращения: 15.09.2020).

Некрасов В.П. Арестованные страницы. Рассказы, интервью, письма из архивов КГБ / В.П. Некрасов; сост., документальный очерк, коммент. Л.М. Хазан. Киев: Laurus, 2014. 262 с.

Некрасов В.П. В родном городе // Новый мир. 1954. № 10. С. 3–66; № 11. С. 97–179.

Некрасов В.П. За двенадцать тысяч километров // Новый мир. 1965. № 12. С. 3–34.

Некрасов В.П. Кира Георгиевна // Новый мир. 1961. № 6. С. 70–126.

Некрасов В.П. О вулканах, отшельниках и прочем // Грани. 1970. № 74. С. 25–86.

Некрасов В.П. По обе стороны океана. В Италии – в Америке // Новый мир. 1962. № 11. С. 112–148; № 12. С. 110–152.

Некрасов В.П. Почему это не сделано? (О памятнике погибшим в Бабьем Яру в Киеве) // Литературная газета. 1959. 10 октября.

Некрасов В.П. Сталинград // Знамя. 1946. № 8–9. С. 3–83; № 10. С. 38–146.

Некрасов В.П. Вася Шукшин // Новое Русское Слово. 1977. 27 февраля.

Николаев Д.П. По какой правде жить? // Вопросы литературы. 1961. № 10. С. 88–98, 105–106.

Парнис А.Е. Виктор Некрасов и Бабий Яр // Виктор Некрасов: сайт памяти писателя. URL: http://nekrassov-viktor.com/Papers/Parnis-Viktor-Nekrasov-Babiy-Yr.aspx (дата обращения: 15.09.2020).

Пасенюк Л.М. Тысяча девушек: повесть // Молодая гвардия. 1963. № 12. С. 3–87.

Пахалюк К.А. От Сталинской премии к диссидентству. Виктор Платонович Некрасов (1911–1987) // Русское зарубежье. Великие соотечественники : 100 судеб русской эмиграции в XX веке / [Автор идеи, художник и составитель Л.В. Козлов; научный редактор и составитель Р.Т. Гагкуев]. М.: Яуза [и др.], 2018. С. 373–377.

Пирагис А.П. Пасенюк Леонид Михайлович (биография) // Камчатский край: краеведческий сайт. URL: http://www.kamchatsky-krai.ru/biography/pasenuk.htm (дата обращения: 15.09.2020).

[Предисловие к очерку «О вулканах, отшельниках и прочем»] // Грани. 1970. № 74. С. 25.

[Предисловие к поэме «По праву памяти»] // Посев. 1969. № 10. С. 52.

[Предисловие к роману «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»] // Грани. 1969. № 72. С. 3.

[Предисловие к хронике «Крутой маршрут»] // Посев. 1967. 17 февраля.

Светов Ф.Г. Нравственный кодекс героя (Некоторые проблемы прозы 1961 года) // Вопросы литературы. 1962. № 3. С. 3–37.

Статьи и передачи о Викторе Некрасове и его творчестве // Виктор Некрасов: сайт памяти писателя. URL: http://nekrassov-viktor.com/Articles.aspx (дата обращения: 15.09.2020).

Тарасенков А.К. Трудные судьбы // Литературная газета. 1954. 20 ноября.

Твардовский А.Т. В редакцию «Литературной газеты» // Литературная газета. 1970. 11 февраля.

Твардовский А.Т. По праву памяти // Посев. 1969. № 10. С. 52–55.

Турист с тросточкой: ред. статья // Известия. (Вечерний выпуск). 1963. 20 января.

Хазан Л.М. «С шулерами за одним столом сидел…» // Некрасов В.П. Арестованные страницы. Рассказы, интервью, письма из архивов КГБ / В.П. Некрасов; сост., документальный очерк, коммент. Л.М. Хазан. Киев: Laurus, 2014. С. 79–182.

Guerra A. Colloquio a Mosca con Evghenia Ginzburg. Il viaggio nella vertigine // l'Unita. 1967. 1 Giugno.

References

Bit-Yunan Yu.G., Mityushova A.S. Mezhdu «Novym mirom» i «Posevom»: K sud'be zapreshchennyh prozvedenij E.S. Ginzburg i V.S. Grossmana [Between «Novy mir» and «Possev» journals: on the fate of E.Ginzburg's and V. Grossman's banned works]. Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie» [RGGU Bulletin. «History. Philology. Culture Studies. Oriental Studies» Series]. 2015. N 5. P. 61–72. (In Russ.)

Bit-Yunan Yu.G., Pashchenko D.O. Protestnoe pis'mo v «Literaturnoj gazete» kak forma upravleniya sovetskim literaturnym protsessom [A letter of protest in the «Literaturnaya gazeta» newspaper as a way to control Soviet literature process]. Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie» [RGGU Bulletin. «History. Philology. Culture Studies. Oriental Studies» Series]. 2016. N 8. P. 9–21. (In Russ.)

German Yu.P. Dorogoj moj chelovek [«My dear man»] : the novel. Leningrad: Lenizdat, 1988. 573 p. (In Russ.)

Ginzburg E.S. Krutoi marshrut [A Journey into the whirlwind]. Posev [The «Posev» journal]. 1967. 17 February; 24 February; 3 March; 10 March. (In Russ.)

Ginzburg E.S. Krutoi marshrut : Khronika vremyon kul'ta lichnosti [A Journey into the Whirlwind]. Milan: Mondadori, 1967. 473 p. (In Russ.)

Ginzburg E.S. Krutoi marshrut. Tom 2 [Within the whirlwind. Vol 2] Milan: Mondadori, 1979. 379 p. (In Russ.)

Guerra A. Colloquio a Mosca con Evghenia Ginzburg. Il viaggio nella vertigine. L'Unita. 1967. 1 June. (In Ital.)

Hazan L.M. «S shulerami za odnim stolom sidel…» [«He was at one table with sharpers…»]. Nekrasov V.P. Arestovannye stranicy. Rasskazy, interv'yu, pis'ma iz arhivov KGB [Arrested pages. Short stories, interviews, letters from the KGB archives]. Compiled and commented by L.M. Hazan. Kiev: Laurus, 2014. P. 79–182. (In Russ.)

Iverni V.I. Kniga-zhizn' [A life-book]. Kontinent [The «Kontinent» journal]. 1980. N 23. P. 388–392. (In Russ.)

Kamyanov V.I. Eticheskoe i esteticheskoe [The ethical and the aesthetical]. Voprosy literatury [Russian Studies in Literature]. 1962. N 8. P. 13–17. (In Russ.)

Kapusto Yu.B. Mitisov i Chekmen' [Mitisov and Chekmen]. Literaturnaya gazeta [The «Literaturnaya gazeta» newspaper]. 1955. 26 March. (In Russ.)

Katalog samizdata [The Samyzdat catalogue]. URL: http://samizdat.memo.ru/samizdat/search (date of access: 15.01.2022). (In Russ.)

Kochetov V.A. Brat'ya Ershovy [The Ershov Brothers]: the novel. Moscow: Molodaya gvardiya, 1959. 431 p. (In Russ.)

Kondratovich A.I. Novomirskii dnevnik, 1967–1970 [The «Novy mir» diary, 1967–1970]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991. 528 p. (In Russ.)

Kuznetsov E. Status sovetskogo politzaklyuchyonnogo [The status of a Soviet political criminal]. Kontinent [The «Kontinent» journal]. 1980. N 26. P. 187–206. (In Russ.)

Lazarev L.I. Pravda vyshe vsego. Viktor Nekrasov – ego sud'ba i ego knigi [Above all is the truth. V. Nekrasov: his fate and his books]. Nekrasov V.P. Tam, gde gorela zemlya [Where the Ground was burning]: Collected works. 3 books. Moscow: Izografus, 2004. Book 1. P. 3–28. (In Russ.)

Matveev P. Viktor Nekrasov i KGB [Viktor Nekrasov and KGB]. COLTA.ru: [information portal about culture and society]. URL: https://www.colta.ru/articles/literature/4592-viktor-nekrasov-i-kgb (date of access: 15.01.2022). (In Russ.)

Nekrasov V.P. Arestovannye stranicy. Rasskazy, interv'yu, pis'ma iz arhivov KGB [Arrested pages. Short stories, interviews, letters from the KGB archives]. Compiled and commented by L.M. Khazan. Kiev: Laurus, 2014. 262 p. (In Russ.)

Nekrasov V.P. Kira Georgievna [Kira Georgievna]. Novyi mir [The «Novy mir» journal]. 1961. N 6. P. 70–126. (In Russ.)

Nekrasov V.P. O vulkanah, otshel'nikah i prochem [About the volcanoes, recluses and so on]. Grani [The «Grani» journal]. 1970. N 74. P. 25–86. (In Russ.)

Nekrasov V.P. Po obe storony okeana. V Italii – v Amerike [On both sides of the ocean. In Italy – in the USA]. Novyi mir [The «Novy mir» journal]. 1962. N 11. P. 112–148; N 12. P. 110–152. (In Russ.)

Nekrasov V.P. Pochemu eto ne sdelano? (O pamyatnike pogibshim v Bab'em Yaru v Kieve) [Why has this not been done yet? (About a monument for those killed in Baby Yar)]. Literaturnaya gazeta [The «Literaturnaya gazeta» newspaper]. 1959. 10 October. (In Russ.)

Nekrasov V.P. Stalingrad [Stalingrad]. Znamya [The «Znamya» journal]. 1946. N 8–9. P. 3–83; N 10. P. 38–146. (In Russ.)

Nekrasov V.P. V rodnom gorode [In the hometown]. Novyi mir [The «Novy mir» journal]. 1954. N 10. P. 3–66; N 11. P. 97–179. (In Russ.)

Nekrasov V.P. Vasya Shukshin [Vasya Shukshin]. Novoe Russkoe Slovo [The «Novoe Russkoe Slovo» newspaper]. 1977. 27 February. (In Russ.)

Nekrasov V.P. Za dvenadtsat' tysyach kilometrov [Twelve thousand kilometres away]. Novyi mir [The «Novy mir» journal]. 1965. N 12. P. 3–34. (In Russ.)

Nikolaev D.P. Po kakoi pravde zhit'? [Which truth to choose for living?]. Voprosy literatury [Russian Studies in Literature]. 1961. N 10. P. 88–98, 105–106. (In Russ.)

Pakhalyuk K.A. Ot Stalinskoi premii k dissidentstvu. Viktor Platonovich Nekrasov (1911–1987) [From the Stalin Prize to being a dissident. Viktor Platonovich Nekrasov (1911–1987)]. Russkoe zarubezh'e. Velikie sootechestvenniki : 100 sudeb russkoj emigacii v XX veke [Russian Abroad. Great compatriots : 100 fates of Russian emigration in the XX-th century]. Moscow: Yauza [etc.], 2018. P. 373–377. (In Russ.)

Parnis A.E. Viktor Nekrasov i Babij Yar [Viktor Nekrasov and Baby Yar]. Viktor Nekrasov: memory site. URL: http://nekrassov-viktor.com/Papers/Parnis-Viktor-Nekrasov-Babiy-Yr.aspx (date of access: 15.01.2022). (In Russ.)

Pasenyuk L.M. Tysyacha devushek [One thousand maidens] : story. Molodaya gvardiya [The «Molodaya gvardiya» journal]. 1963. N 12. P. 3–87. (In Russ.)

Piragis A.P. Pasenyuk Leonid Mihajlovich (biografiya) [A biography of Leonid Mikhaylovich Pasenyuk]. Kamchatskii krai [Kamchatka region]: local history website. URL: http://www.kamchatsky-krai.ru/biography/pasenuk.htm (date of access: 15.01.2022). (In Russ.)

Stat'i i peredachi o Viktore Nekrasove [Articles and programs about Viktor Nekrasov and his work]. Viktor Nekrasov: memory site. URL: http://nekrassov-viktor.com/Articles.aspx (date of access: 15.09.2020). (In Russ.)

Turist s trostochkoj [A tourist with a walking stick]: editorial article. Izvestiya. (Vechernii vypusk) [The evening issue of the newspaper «Izvestiya»]. 1963. 20 January. (In Russ.)

Predislovie k hronike «Krutoi marshrut» [The preface to «A journey into the whirlwind»]. Posev [The «Posev»: newspaper]. 1967. 17 February. (In Russ.)

Predislovie k ocherku «O vulkanah, otshel'nikah i prochem» [The preface to V.P. Nekrasov's sketchbook «About the volcanoes, recluses and so on»]. Grani [The «Grani» journal]. 1970. N 74. P. 25. (In Russ.)

Redkollegiya zhurnala «Grani». Predislovie k romanu «Zhizn' i neobychajnye priklyucheniya soldata Ivana Chonkina» [The preface to V.N. Voynovich's novel «The Life and Extraordinary Adventures of Private Ivan Chonkin»]. Grani [The «Grani» journal]. 1969. N 72. P. 3. (In Russ.)

Predislovie k poeme «Po pravu pamyati» [The preface to A.T. Tvardovsky's poem «By the right of remembering»]. Posev [The «Posev» journal] 1969. N 10. P. 52. (In Russ.)

Svetov F.G. Nravstvennyi kodeks geroya (Nekotorye problemy prozy 1961 goda) [The hero's moral codex (on some problems of the prose of 1961)]. Voprosy literatury [Russian Studies in Literature]. 1962. N 3. P. 3–37. (In Russ.)

Tarasenkov A.K. Trudnye sud'by [Dark fates]. Literaturnaya gazeta [The «Literaturnaya gazeta» newspaper]. 1954. 20 November. (In Russ.)

Tvardovskij A.T. Po pravu pamyati [By the right of remembering]. Posev [The «Posev» journal]. 1969. N 10. P. 52–55. (In Russ.)

Tvardovskij A.T. V redakciyu «Literaturnoj gazety» [To the editorial board of the «Literaturnaya gazeta» newspaper]. Literaturnaya gazeta [The «Literaturnaya gazeta» newspaper]. 1970. 11 February. (In Russ.)

Voinov A. V rodnom gorode [In the hometown]. Komsomol'skaya Pravda [Komsomol Truth: newspaper]. 1955. 29 March. (In Russ.)

Voynovich V.N. V redakciyu «Literaturnoj gazety» [To the editorial board of the «Literaturnaya gazeta» newspaper]. Literaturnaya gazeta [The «Literaturnaya gazeta» newspaper]. 1970. 14 October. (In Russ.)

Vojnovich V.N. Zhizn' i neobychajnye priklyucheniya soldata Ivana Chonkina: Roman-anekdot v pyati chastyah [The Life and Extraordinary Adventures of Private Ivan Chonkin. A joke-novel in five parts]: Part 1. Grani [The «Grani» journal]. 1969. N 72. P. 3–83. (In Russ.)